

Пусть император Чунчжао так и не дождался заветного «отец», пусть предназначенная ему ягода была точной копией той, что досталась обычному евнуху, — в его душе всё равно что-то дрогнуло. Государь сжимал в ладони этот крохотный плод зизифуса, чувствуя странное смятение, словно его сердца коснулось нечто колкое и в то же время нежное.

Он вдруг понял: мальчик отбросил бамбуковую щепу не из вредности — он просто боялся испортить угощение. Чунчжао не мог даже вообразить, какую жизнь вёл его младший сын, если обычный плод зизифуса был для него таким сокровищем.

Император погрузился в раздумья, но вскоре тишину нарушили жалобные звуки — ребёнок заворочался во сне. Чунчжао подошёл к постели и негромко произнёс:

— Я сам.

Стоило мальчику оказаться в руках отца, как он мгновенно затих.

— Когда обнимаю — «отец», а не обнимаю — «Ваше Величество», — вполголоса проворчал государь. — Неужели ты не знаешь, что Я вчера всю ночь просидел у твоей постели? Такой маленький, а уже с характером.

Он коснулся лба сына: тело всё ещё горело. Дубяню наверняка было очень плохо, но он, в отличие от других детей, не закатывал истерик, а лишь крепче прижимался к отцу. В этом упрямстве и молчаливой нужде в защите чувствовалась недетская стойкость.

Чунчжао сделал знак рукой. Евнух Юй, поняв всё без слов, потянул Е Сяююаня за рукав к выходу.

Сяююань нерешительно оглянулся, но Юй прошептал ему на ухо:

— Его Величество знает, что делает. Лекари дежурят за дверью, да и я скоро вернусь в павильон. Не тревожься. Государь не общался с сыном почти три года — это их шанс стать ближе.

Е Сяююань молча кивнул. Он понимал: в этом огромном дворце единственная надёжная опора для Его Высочества — это сам император.

Евнух Юй скользнул взглядом по ягоде зизифуса, которую Сяююань бережно сжимал в кулаке, и многозначительно добавил:

— Служи Маленькому принцу верой и правдой. Счастливые дни не за горами.

Уже на пороге дворца Е Сяююань тихо ответил:

— Если Его Высочеству будет хорошо, то и мне больше ничего не нужно.

В покоях Цюй Дубянь продолжал испытывать терпение Чунчжао до самой полуночи. Убедившись, что «папаша» окончательно проникся моментом, он ещё немного поиграл с настройками Симулятора и решил, что пора спать.

Когда мальчик наконец затих, император облегчённо выдохнул.

В этот миг тени в углу зала сгустились, и перед государем, словно привидение, возник глава тайной стражи.

— Ваше Величество, — беззвучно, как шелест листвы, проговорил он, — у меня есть доклад.

— Тише, — оборвал его Чунчжао. — Говори.

— Страж И Шиэр самовольно раскрыл себя перед посторонними. Последняя проверка показала, что его уровень скрытности упал ниже допустимого предела. Согласно Закону Тени, он должен быть казнён либо лишён внутренней силы и брошен в темницу. Я пришёл узнать вашу волю.

Глава стражи мог решить это сам, но И Шиэр выдал себя, спасая Маленького принца, поэтому прийти к императору было нелишним. Возможно, это подарит стражу шанс на жизнь.

Чунчжао был равнодушен к именам. За годы его правления сотни тайных стражей с именами вроде «И Шиэр» погибли в неизвестности, исполняя свой долг.

Он нахмурился:

— Правила есть правила. Дай ему два дня на выбор, а после — исполни приговор. Зачем докладывать о такой мелочи?

Ребёнок на его руках только что уснул. Если страж его разбудит, будет плохо.

Глава стражи склонил голову:

— Слушаюсь.

Тень мгновенно растворилась в воздухе.

Чунчжао тоже закрыл глаза. Завтрашнее утро обещало великую бурю на совете, и ему нужны были силы, чтобы справиться с крикливыми министрами.

«И Шиэр? — это имя эхом отозвалось в сознании Дубяня»

Мальчик запомнил его навсегда. До этого момента в его списке «долгосрочных кормильцев», способных даровать ему дополнительные годы жизни, числились лишь Вэнь Сяочунь, заместитель главы Астрологического управления Чжан Чаньсы и этот таинственный И Шиэр, наблюдавший за ним из тени.

Дубянь открыл Симулятор, чтобы проверить статус.

[Симулятор болезней]

[Благосклонность Вэнь Сяочуня: 45]

Чем выше становилась цифра, тем медленнее она росла, но Дубянь не торопился.

Что касается госпожи Чжан... её показатель замер.

[Благосклонность Чжан Чаньсы: 7]

Она сама нашла его, пробормотала странное пророчество: «Всё от огня началось, огнём и закончится», — и вскоре Астрологическое управление действительно вспыхнуло. Связь была очевидной, и Дубянь пока не горел желанием с ней сблизиться.

А вот И Шиэр...

[Благосклонность И Шиэр: 0]

Дубянь помнил то ощущение полета, когда страж подхватил его и перенёс через воду. Неужели И Шиэр так долго колебался перед тем, как появиться, именно из-за этого проклятого Закона Тени? Раскрыл себя — и обрёл на смерть.

Мальчик смотрел на «ноль» в статусе благосклонности. Для этого человека он был чужим. Так почему же страж решил пожертвовать жизнью ради незнакомого ребёнка? Только потому, что тот был принцем?

«Нет, так не пойдёт. Он не должен умереть. Ни при каких обстоятельствах»

Следующее утро. Зал приёмов.

Многие сановники чувствовали в воздухе неладное. Едва начался утренний совет, как все заметили князя Мина, стоявшего по правую руку от трона. Весь двор знал нрав этого человека: хоть он и ведал делами императорского клана, государственные вопросы обычно интересовали его не больше прошлогоднего снега. Его появление всегда предвещало нечто грандиозное.

Левый заместитель министра ритуалов, Се Лишань, единственный знал правду — вчера император продержал его у себя весь день. Но сейчас он стоял с самым невинным видом.

Когда начальник, министр ритуалов, шепотом спросил его о причинах сбора, Се лишь покачал головой:

— Кто знает, господин министр... Будем смотреть по обстоятельствам.

Министр ритуалов погладил бороду и кивнул:

— И то верно. Пока это не касается церемониала, нам в ведомстве ритуалов беспокоиться не о чем.

Се Лишань лишь неопределенно хмыкнул.

Глашатай прокричал приветствие, на троне появился император Чунчжао, и совет начался.

Всё шло подозрительно спокойно. Но когда заседание уже подходило к концу и придворные начали в недоумении переглядываться, евнух Юй вышел вперёд и громким, ясным голосом зачитал указ:

— Внимайте Нашей воле! Наложница Юнь из рода Сюй при жизни была исполнена добродетели и кротости, явив пример изящества и чистоты. Она подарила Нам наследника, став утешением Нашему сердцу. Её внезапный уход наполнил Нашу душу безмерной скорбью. Посему Мы постановляем: посмертно возвести её в ранг Императрицы, дабы почтить её память. Министерству ритуалов предписывается подготовить посмертное имя и, следуя древним канонам, согласовать порядок церемонии с другими ведомствами.

Слова указа упали в тишину зала подобно огромному валуну, рухнувшему в стоячую воду.

Министр ритуалов, министр Линь, подскочил на месте, точно заяц, которому наступили на хвост. Он рухнул на колени с таким рвением, что даже проскользил по гладкому полу, и истошно возопил:

— Ваше Величество, не должно! Заклинаю вас!

— Государь, молим о благоразумии!

— Ваше Величество, трижды подумайте!

Зал в мгновение ока заполнился коленапреклоненными фигурами.

Князь Мин едва заметно вскинул бровь. Этот спектакль не стал для него неожиданностью. У императора были и другие сыновья, трое из которых уже вышли из младенческого возраста. За спиной каждой наложницы стояли могущественные кланы, и многие чиновники уже сделали свои ставки. Никто не хотел перемен в устоявшемся порядке.

Чунчжао холодно взирал на перекошенные от праведного гнева лица своих министров.

— Государь! — надрывался министр Линь. — История прошлого царства учит нас, к чему ведут распри из-за престола! Когда прежний император посмертно возвёл мать Ли-вана в ранг императрицы, это дало его сторонникам повод заявить о его правах как законного наследника. Два принца схлестнулись в междоусобице, призвали иноземцев, и великое государство Лян пало в огне!

Старик перевёл дыхание и продолжил:

— При основании нашей династии Великий предок установил закон: если наложница оставила после себя сына, её посмертный титул не может быть равен титулу императрицы. Нарушение этого правила сулит крах государству Чжоу! Молим Ваше Величество отменить указ!

Сын женщины, ставшей императрицей даже посмертно, по закону становился выше других принцев. Это преимущество было неоспоримым.

Некоторые сановники, считавшие себя хитрее прочих, решили пойти на компромисс:

— Ваше Величество, покойную Наложницу Юнь можно возвести в ранг Драгоценной наложницы или даже Благородной верховной наложницы, но ранг Императрицы — это черта, которую нельзя переступить!

Сотни голосов слились в гуле одобрения. Они не были против воли государя почтить память покойной — в конце концов, она была дочерью Маркиза, Держащего Меч, и ссориться со старым героем никто не хотел. Но прыжок из простых наложниц сразу в императрицы подрывал сами основы власти.

Чунчжао произнёс ледяным тоном:

— Сегодня Я лишь уведомляю вас, а не прошу совета.

После этих слов в зале поднялся такой невообразимый шум, что, казалось, своды дворца не выдержат.

Члены императорского клана уже собирались выйти вперёд, чтобы выразить протест, но князь Мин вдруг сухо кашлянул. Он оглядел присутствующих с вежливой, почти ласковой улыбкой:

— Господа, советую вам попридержать коней. Это семейное дело моего брата. Если кто-то из вас сегодня решит вмешаться, то завтра Я лично навещу ваши дома в сопровождении лучших девиц из павильона «Весенний ветер». Думаю, вашим досточтимым супругам будет крайне любопытно взглянуть на этих прелестниц.

Родовитые князья мгновенно замерли. Князь Мин ясно дал понять, что пришёл поддержать императора, а в его руках было достаточно компромата на каждого из них.

Оппозиция среди родни тут же затихла.

Министр ритуалов от возмущения едва не лишился чувств. Его заместитель, Се Лишань, вовремя подхватил старика под локоть:

— Осторожнее, господин министр.

— Благодарю, — прохрипел Линь.

Се Лишань выпрямился, его голос зазвучал твердо и решительно:

— Позвольте мне! Я всё скажу!

Министр Линь прослезился от умиления:

— Иди, верный мой соратник. Знай, ведомство ритуалов гордится тобой.

Се Лишань осторожно отодвинул начальника в сторону, одёрнул парадное платье и, чеканя каждое слово, произнёс:

— Я, ваш верный подданный, полностью поддерживаю решение Его Величества возвести Наложницу Юнь в ранг Императрицы!

Старик Линь застыл с открытым ртом. Он неверяще смотрел на своего подчинённого, и в его голове наконец начала складываться горькая правда: этот подлец с честными глазами всегда

был человеком императора!

Се Лишань, вчерашний собеседник государя, прекрасно знал свою роль. Он умело подал императору нужную реплику:

— Наш государь мудр и добродетелен, он не допустит повторения былых смут. Уверен, Ваше Величество уже нашёл способ избежать опасностей, о которых твердят господа министры.

Чунчжао милостиво кивнул:

— Отрадно видеть, что среди наших подданных есть те, кто понимает нас без лишних слов.

Министр Линь мысленно выругался. «Могли бы хоть для приличия актёрскую игру подтянуть», — горько подумал он.

Государь продолжил:

— Мы решили отменить закон, запрещающий возводить матерей принцев в ранг императрицы. Более того, мы отменяем правило преимущественного права на престол для детей таких императриц.

Отмена законов предков и основ престолонаследия. Удар в самое сердце проблемы.

Один из чиновников робко возразил:

— Но ведь... это заветы Великого предка...

Чунчжао оборвал его:

— Основатель нашей династии принял эти законы, чтобы успоить злость павшего царства и быстрее навести порядок в стране. Сейчас империя Чжоу крепка как никогда, народ един в своей верности трону. Почему же я не могу изменить то, что изжило себя?

Министры зашушукались, взвешивая каждое слово.

Голос императора, восседавшего на Драконьем троне, внезапно стал низким и угрожающим:

— Или вы столь преданы идеалам павшего царства Лян, что боитесь поступиться их старыми правилами?

Это обвинение было равносильно обвинению в государственной измене.

Чиновники в ужасе склонились до самой земли:

— Мы не смеем даже помыслить об этом!

Чунчжао поднялся, взмахнул широким рукавом и обвёл взглядом притихший зал:

— Если это не вредит государству, а лишь укрепляет его, почему Мы должны держаться за старое? Кому вы служите — поминальным табличкам предков, империи Чжоу или Мне?

Он сделал паузу, и его слова прозвучали как гром среди ясного неба:

— Что есть заветы предков? То, что Я изменю или отменю сегодня, через сотню лет само станет священным заветом!

Министр Линь понял, что партия проиграна. Пожалев о своих разбитых коленях, он первым склонил голову:

— Ваше Величество мудр и велик.

Чунчжао едва заметно улыбнулся и пошёл на уступку:

— Седьмой принц ещё слишком мал. Мы сами подберём ему наставников и наложницу для воспитания, он не будет считаться сыном императрицы в вопросах престола. Все принцы равны перед законом. Есть ли у вас иные возражения?

Он не стал упоминать пророчество Астрологического управления. Вести бесконечные споры с министрами было куда безопаснее, чем объявлять на весь мир, что государь возвёл покойную жену в высший ранг лишь для того, чтобы нейтрализовать «злую судьбу» своего сына. Это уберегло Дубяня от ненужных пересудов.

Проявив твердость и вовремя отступив, император лишил сановников повода для борьбы. Основы власти не затронуты, а значит, старым бюрократам не за что было цепляться.

Министр Линь принял указ. Дело было решено — оставалось лишь выбрать благоприятный день, совершить жертвоприношения и внести новое имя в реестры императорского дома.

Когда совет закончился, князь Мин обернулся к членам императорского клана, которых насильно притащили в зал, и весело помахал рукой:

— Всем спасибо, все свободны!

Хоть эти князья и были лишь декорацией, их присутствие при изменении законов предков было необходимо — иначе государю пришлось бы собирать их отдельно и тратить время на пустые разговоры.

— В следующий раз просто пришлите письмо, нечего нам тут в качестве талисманов отвечивать, — буркнул один из старейшин рода.

Очередной акт великой драмы между государем и его подданными завершился полной победой трона.

<http://bllate.org/book/16117/1587206>